

Кошелев А. Д. Пираха как пример языка, "застывшего" на начальной стадии эволюции // *Эверетт Д. Л.* Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 341—378.

А. Д. Кошелев

ПИРАХА КАК ПРИМЕР ЯЗЫКА, «ЗАСТЫВШЕГО» НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ

1. Мир и язык индейцев ПИРАХА

1. О языке пираха. Языку пираха — небольшого одноименного племени охотников-собирателей, живущих на берегах реки Маиси (притока Амазонки), — присущ целый ряд редких свойств: отсутствие числительных, цветообозначающих имен, грамматической категории числа, пассива, рекурсии и др. [Everett 2005; 2009; Futrell et al. 2016]. Многие из перечисленных свойств встречаются и в других языках: единственное и множественное число не различается в китайском языке, цветообозначающие имена отсутствуют в языке австралийских аборигенов из племени вальбири (Warlpiri) и т. д. Тем не менее, оказавшись собранными вместе, эти свойства выделяют пираха из известного множества человеческих языков. Естественно возникает вопрос: образовалась ли эта «коллекция» свойств случайным образом или же она является продуктом эволюционных процессов и потому вполне объяснима.

Мы постараемся показать справедливость второй альтернативы. То есть мы считаем, что перечисленные выше свойства пираха вызваны, с одной стороны, ранней стадией социального развития (уровня прогресса) племени, а с другой — своеобразием (в рамках этой стадии) его жизненного уклада.

2. Общий принцип развития: преобразование нерасчлененного целого в систему его взаимосвязанных частей. Чтобы лучше понять, в чем именно выражаются различия в развитии индейца пираха и современного человека, необходимо сначала определить сущность развития как такового. На этот вопрос отвечает общий принцип развития, восходящий фундаментальному труду Г. Спенсера «Основания биологии» [Спенсер 1899], см. также [Сеченов 1952: 272—426; Werner 2004; Чуприкова 2007; Кошелев 2011]. Согласно этому принципу элементарный цикл развития синкретичного целого заключается

в двухэтапном преобразовании этого целого в систему его частей. А именно: исходная гомогенная целостность сначала а) дифференцируется на несколько элементарных частей, обретающих статус самостоятельных единиц, а затем эти части б) интегрируются, образуя системное представление исходной целостности. Например, сначала в сознании ребенка стул представляется синкретично, в виде единого концепта, а далее, в процессе когнитивного развития, этот концепт сначала разделяется на части (концепты сиденья, ножек и спинки), а затем эти частные концепты объединяются в партитивную систему концептов, которая становится более развитым представлением синкретичного концепта стула.

Этот общий принцип подсказывает вполне конкретную гипотезу: в развитии индейцев пираха какие-то концепты их когнитивного представления мира все еще остаются синкретичными, недифференцированными, тогда как у современных людей они уже трансформировались в системы своих частей или свойств.

3. Вкус чая. Поясним эту мысль конкретным примером. Представим себе человека, который впервые пьет сладкий чай, ощущая его целостный вкус и не зная, что он складывается из вкуса воды, заварки и растворенного сахара. Сколько бы человеку ни говорили: *жидкий / крепкий* (мало / много заварки) или *несладкий / сладкий чай* — он не может понять, что обозначают эти прилагательные, поскольку указываемые ими вкусовые свойства не концептуализированы — не вычленены из целостного вкусового представления чая в самостоятельные концепты-качества. При этом человек, конечно, будет отличать более сладкий чай от менее сладкого. Но охарактеризовать это отличие он сможет только общими прилагательными типа *вкусный* или *невкусный* или описательными оборотами типа «подобен сахару». Лишь когда человек начинает сам заваривать чай или наблюдать, как это делают другие, он узнаёт о данных свойствах как отдельных компонентах вкуса чая, которые можно независимо друг от друга усиливать или ослаблять. И тогда его вкусовое представление чая превращается из синкретичного в системное и он начинает адекватно соотносить с его вкусовыми компонентами соответствующие прилагательные, усваивая тем самым их значения.

А для тонких ценителей чая вкус заварки — первоначально целостный — становится (в результате их специальной деятельности — многократных совместных чаепитий, детального сравнения различных сортов чая, способов его заварки и пр.) совокупностью самостоятельных оттенков (букет чая), подобно тому как стул постепенно

становится для ребенка совокупностью сиденья, спинки и ножек. Поэтому ценители чая могут уже называть и обсуждать эти оттенки по отдельности. Итак, в результате данного шага развития в их памяти появился новый уровень представления вкуса заварки — набор отдельных концептов вкусовых оттенков вместе с их именами. Благодаря этому любители чая становятся его ценителями. Они обретают способность ощущать в целостном вкусе чая систему его оттенков, располагают набором специальных терминов — имен этих оттенков и их сочетаний — для обсуждения достоинств тех или иных сортов чая.

Возникшая способность не является генетически обусловленной. Она продукт специфической совместной деятельности любителей чая. Сильно упрощая, можно сказать, что эта способность выработалась в результате многократного повторения чаепития, в процессе которого его участники пьют чай, наслаждаются его букетом и обсуждают его оттенки, называя их специальными терминами. И, конечно, человек, способный лишь различать вкусы заварки, сахара и воды, не сможет ни понять этого обсуждения и используемых в нем терминов — названий вкусовых оттенков чая, ни представить соответствующие им чувственные понятия.

Эти три уровня восприятия чая: синкретичный, на котором не разделяются вкусы заварки, сахара и воды, системный, когда они воспринимаются как самостоятельные компоненты, и системно-системный, когда во вкусе заварки различаются отдельные вкусовые оттенки, — могут служить наглядной иллюстрацией возможных различий в когнитивном и речевом развитии индейца пираха и современного человека. Например, находясь на первом (синкретичном) уровне, индеец не сможет сказать *чай сладкий*. Эту характеристику чая он сможет выразить лишь косвенно, аналоговым способом: *чай подобен сахару* — если вкус сахара ему хорошо известен.

Перейдем теперь к анализу некоторых особенностей языка индейцев и их восприятия окружающего мира.

4. Цветообозначения в пираха. Как утверждает Д. Эверетт, индейцы пираха

...видят цвета вокруг себя так же, как и мы. Однако они не обозначают видимый цвет отдельными словами, которые жестко привязаны к определенным обобщенным представлениям о цвете. Они описывают цвет целыми фразами... их перевод такой: «кровь грязная» — черный; «оно видит» или «оно прозрачное» — белый; «оно как кровь» — красный; «оно незрелое» — зеленый [Эверетт 2016: 132].

Чтобы понять, какому уровню когнитивного развития человека соответствуют такие цветообозначения, посмотрим сначала, как формируются концептуализация цветов и усвоение цветообозначающих прилагательных у современных детей.

4.1. Концептуализация у ребенка цветовых характеристик.

В усвоении детьми прилагательных наблюдается один весьма показательный парадокс. В отличие от существительных и глаголов, которые ребенок почти сразу научается использовать семантически правильно (категории и имена предметов ребенок начинает усваивать с 12-ти месяцев, а категории и имена действий — на 2—3 месяца позже [Xu, Carey 1996; Xu 2007; Waxman 2008]), семантически правильное употребление прилагательных, называющих видимые ребенком цвета предмета, формируется значительно позже [Gasser, Smith 1998; Цейтлин 2009: 167; 2000: 125; Blackwell 2005]. Хотя первые прилагательные появляются в активном лексиконе ребенка уже с полутора лет, до двух с половиной — трех лет он употребляет их без какой-либо опоры на их значение, лишь имитируя речь окружающих.

Рассмотрим в качестве примера употребление ребенком цветообозначающих прилагательных *красный*, *зеленый* и др. — так называемых базовых наименований цвета («basic color terms» в терминологии Берлина и Кея [Berlin, Kay 1969], см. п. 1.10). Хорошо известно, что ребенок начинает различать цвета предметов (своих игрушек) не позднее полутора лет (см., например, экспериментальные исследования Г. Л. Розенгарт-Пупко [Розенгарт-Пупко 1948; 1963] и их описание в [Воейкова 2011: 114]). Тем не менее детям требуется еще почти полтора года, чтобы научиться семантически правильно употреблять цветообозначающие прилагательные. Этот факт отмечают многие исследователи, см. [Andrick, Tager-Flusberg 1986; Цейтлин 1996: 5—7]. С особым вниманием данный феномен изучается в [Воейкова 2011: 217—218]:

Еще Ч. Дарвин в наблюдениях за языковым развитием своих детей отмечал, что они употребляли первые цветовые прилагательные настолько неадекватно, что в течение некоторого времени он считал их дальтониками (см. об этом [Bornstein 1985: 387—388]). <...> Необходимость в подробном изучении ранних прилагательных продиктована тем, что они составляют целую группу слов, употребляемых детьми не просто ошибочно, но и необъяснимо, без всякой связи с реальными свойствами предметов... для детей характерна следующая черта: рано понимая, к каким семантическим классам относятся

прилагательные, они не различают значения прилагательных внутри этих классов... ребенок редко говорит *плохой* вместо *зеленый*, но может перепутать *плохой* и *хороший* или *зеленый* и *красный*. <...> Указанные явления характерны как минимум для ряда индоевропейских языков, можно предположить, что они наблюдаются в большинстве языков, где имеется развитая система имен прилагательных [Dixon 1982; 2004].

Налицо парадокс: с одной стороны, дети в полтора года различают конкретные цвета предметов, с другой стороны, они в течение последующего года или даже полутора лет оказываются неспособными правильно называть цвета соответствующими прилагательными. И это при том, что правильные употребления цветообозначающих прилагательных ребенок слышит постоянно.

Объяснение данного парадокса заключается, на наш взгляд, в следующем. Ребенок распознает воспринимаемый им цвет в рамках синкретичного визуального образа предмета, не вычлняя его пока как самостоятельное свойство. Поэтому ребенку не с чем соотнести слышимое прилагательное (ср. пример с синкретичным представлением вкуса чая). Если перед ребенком положить красное яблоко, желтый банан, красную сливу и желтый лимон и попросить объединить фрукты по их цвету, он легко справится с этой задачей (ее можно считать вариацией экспериментов Г. Л. Розенгардт-Пупко). Иначе говоря, он, подобно индейцу пираха, вполне может описать цвет банана, сказав о нем «оно как лимон», или красного яблока, сказав о нем «оно как слива». Однако, чтобы осуществить референцию прилагательного *красный* к красному яблоку, необходимо, чтобы детское представление яблока было не синкретичным (в котором красный цвет не имеет самостоятельного статуса в ряду других свойств), а системным — в виде набора самостоятельных концептов-свойств (цвета, вкуса и др.), приписанных пространственной форме яблока. Тогда прилагательное *красный* обретет свое значение-концепт — самостоятельную перцептивную характеристику «красный» в ментальном представлении яблока — и употребление прилагательного станет семантически обоснованным.

Можно предположить, что к трем годам дифференциация конкретных значений цвета (красный, зеленый и др.) у ребенка завершается, поскольку к этому времени ошибки в употреблении цветовых прилагательных в речи детей прекращаются.

Специфика детских ошибок при употреблении прилагательных позволяет предположить, что процесс дифференциации цветового

свойства предмета у ребенка идет в общем русле последовательной дифференциации и интеграции сенсорных модальностей [Бауэр 1985: гл. 5] и реализуется в два этапа. Сначала вычленяются общие свойства — цвет предмета, его размер, вес и пр. И с этого момента ребенок уже не говорит *большой* вместо *зеленый*, но может спутать *зеленый* и *красный*, *большой* и *маленький*. А затем, к трехлетнему возрасту, происходит концептуализация отдельных значений этих общих свойств. Поэтому теперь ребенок начинает употреблять прилагательные цвета, размера и др. семантически правильно.

4.2. Второй принцип развития: кооперация двух (внутренних и внешних) факторов. Далее мы будем опираться на второй принцип развития — принцип кооперации, также восходящий к труду Г. Спенсера «Основания биологии» [Спенсер 1899]¹. Согласно этому принципу развитие живого существа определяется взаимодействием двух факторов: внутреннего (генетических данных) и внешнего (влияния извне). Говоря словами И. М. Сеченова, который в своей работе «Элементы мысли» [Сеченов 1952: 272—426] развил и детально проиллюстрировал этот принцип Г. Спенсера, *«всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов — определенной, но изменяющейся (нервной. — А. К.) организации и воздействия извне»* [Там же: 288] (курсив автора. — А. К.)².

Из данного принципа следует, что прогресс человеческих сообществ определяется главным образом воздействиями извне, поскольку генетический фактор здесь один и тот же (мы не учитываем здесь возможные эффекты эпигенетического наследования).

Принцип кооперации, как мы полагаем, в полной мере применим и к процессу усвоения ребенком родного языка, ср. точку зрения Р. Якобсона:

При усвоении ребенком языка... скрещиваются природные и культурные факторы: природные свойства служат необходимой основой для приобретенных. <...> Вопрос о том, в каких пределах наследственная способность воспринимать, приспособлять к себе и использовать язык старших соотносится с врожденным характером языковых универсалий, остается полностью спекулятивным

¹ Этот принцип формировался также в трудах Я. А. Коменского, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Вл. С. Соловьева, И. М. Сеченова, К. Коффки, К. Левина и других мыслителей (подробнее см. в [Чуприкова 2007]).

² Эту концепцию И. М. Сеченов охарактеризовал как «дарвинизм в области психических явлений» [Сеченов 1952: 284].

и бесплодным. Очевидно, что унаследованные и воспринятые модели тесно связаны: они взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга [Якобсон 1985: 389—390].

4.3. О когнитивном и языковом развитии ребенка. Проведенные выше рассуждения в полной мере подтверждают известный тезис Д. Слобина «о первичности когнитивного развития, прокладывающего путь развитию языковых средств...» [Слобин 1984: 160; Цейтлин 2000: 86]. Естественно, однако, поинтересоваться: а что прокладывает путь когнитивному развитию? Как оказалось, справедлив и противоположный тезис: усвоение ребенком лексики родного языка стимулирует его когнитивное развитие.

Так, в ряде работ [Waxman, Braun 2005; Fulkerson, Waxman 2007; Waxman 2008; Xu 2002] была установлена тесная связь между именованием и категоризацией не только у двенадцатимесечных, но даже у шести- и даже четырехмесячных младенцев. А именно: если манипуляции ребенка с игрушками сопровождаются называнием этих игрушек, процесс предметной категоризации у него идет быстрее³. Основываясь на этом факте, некоторые исследователи (С. Ваксман, Ф. Сю) стали говорить о доминирующем влиянии речевого развития младенца на его когнитивное развитие: «слова служат *побудительными стимулами* к образованию категорий» [Waxman 2008: 101; курсив автора. — А. К.]. Между тем имеются данные, свидетельствующие о самостоятельном, внелингвистическом характере процесса детской категоризации. С. Пинкер, не соглашаясь с доминирующей ролью имен, ссылается на эксперименты, проведенные с обезьянами (макаки резус) [Hauser 2000; Santos et al. 2002]. В них было установлено, что у годовалых детенышей обезьян формируются категориальные классы, «как у вас или у меня... хотя обезьяны, конечно, не знали ни слова по-английски» [Пинкер 2013: 174]⁴.

К этому обсуждению нужно добавить два соображения. Во-первых, у детенышей обезьян формировались категориальные классы объектов

³ Категоризация у младенцев ускорялась даже в том случае, когда для обозначения объектов использовались различные псевдослова (звуковые комплексы, лишённые смысла). Напротив, они терпели неудачу, когда оба объекта были названы словом игрушка (a toy), или двумя различными однотонными звуками, или двумя разными эмоциональными (но бессловесными) восклицаниями [Waxman 2008].

⁴ И С. Ваксман в более поздней статье [Ferry et al. 2010: 473] согласилась с тезисом о независимом от усвоения имен возникновении у ребенка первичных категорий.

благодаря тому, что они, пусть и без лексического сопровождения, но взаимодействовали с предметами (с бутылочками пепси-колы). Эти манипуляции и послужили тем необходимым внешним фактором (воздействием извне), который в кооперации с генетическим фактором и обеспечил образование предметных категорий.

Во-вторых, в этой же статье С. Ваксман описывает свои попытки сформировать у младенцев адъективную категорию, объединяющую, к примеру, фиолетовые предметы. Ни в 12, ни в 14 месяцев подобные категории у младенцев не формировались. Этот факт дает основание для двух выводов. Во-первых, в представлении ребенка этого возраста качества еще не вычленяются из синкретической смеси свойств предмета. Во-вторых, в такой ситуации (без начальной и сугубо когнитивной дифференциации) лексика — воспринимаемые ребенком прилагательные — не способна **побудить** вычленение соответствующих свойств и начать формировать новую (адъективную) видовую категорию. **Воспринимаемые младенцем слова могут ускорять дифференциацию лишь тех свойств, которые уже начали обособляться** в результате его сугубо когнитивного развития.

Итак, начальную дифференциацию свойств предмета обеспечивает генетически фактор, а далее включается внешний фактор, который ускоряет и завершает эту дифференциацию. Если же фактор внешней среды отсутствует, то генетически начавшееся развитие останавливается и остается на прежнем синкретическом уровне.

4.4. Роль цвета в жизни современных людей и индейцев пираха. Вернемся в свете сказанного к описательному цветообозначению у индейцев пираха: черный — «кровь грязная», красный — «оно как кровь» и под. Такие аналоговые обозначения соответствуют уровню когнитивного развития ребенка, не достигшего 3 лет, у которого отдельные цвета еще не вычленились из синкретичного цветового спектра. Разумеется, индеец пираха прекрасно распознает отдельные цвета (красный, зеленый и др.). Но, подобно ребенку, он не может прямо их назвать (только опосредованно, отсылая к предмету с известным цветом). А значит, в его языке в принципе не могут появиться цветообозначающие прилагательные.

Объяснение данного вывода вытекает из проделанных выше рассуждений. Генетически ребенок пираха идентичен современному ребенку. Поэтому в его развитии возникает начальная дифференциация конкретных цветов. Но для ее усиления и завершения в кооперацию с генетическим фактором должно вступить воздействие извне. Но этого-то как раз и не происходит.

В самом деле, у современных детей имеются целых три внешних фактора, ускоряющих начавшуюся дифференциацию конкретных цветов. Во-первых, это цветообозначающие прилагательные *красный*, *зеленый* и др., которыми окружающие люди постоянно называют цвета видимых детьми предметов. Во-вторых, это активная деятельность ребенка по распознаванию цвета как такового, поскольку цвет необычайно информативен в мире современного человека. Дело в том, что этот мир в огромной степени состоит из артефактов, имеющих не натуральные, а произвольные цвета. У ребенка может быть несколько одинаковых игрушек, различающихся только цветом. Это же касается и предметов одежды, мебели, наконец, карандашей и красок, которыми ребенок рисует и т. д. И в этих случаях цвет является единственным отличительным признаком предмета, ср.: *Возьми красную лошадку; Надень черные туфли и синюю рубашку; Я люблю желтые розы; Она покрасила волосы в фиолетовый цвет, а ногти — в черный* и под. Цвет нередко несет конвенциональную символическую функцию (светофор). Наконец, в-третьих, это рисование цветными карандашами и красками, когда ребенок сам выбирает цвет рисуемого объекта. Как мы видим, в современном мире цвет — самостоятельный и зачастую главный отличительный признак предмета.

У ребенка пираха все иначе. Первый внешний фактор у него очевидным образом отсутствует: в языке пираха нет лексических коррелятов прилагательных *красный*, *зеленый* и под., напрямую именующих цвета. А описательные наименования цветов типа ‘оно как кровь’, конечно же, не могут выступать в этой функции. Отсутствуют и два других внешних фактора. Индейцев пираха окружает природный мир со своими естественными и неизменными (или закономерно изменяющимися) красками. Артефактов, имеющих случайный цвет, очень мало (простейшие предметы одежды, инструменты и под.). Да и их индейцы не выбирают, а получают (выменивают) более или менее случайным образом. Правда, в некоторых случаях цвет все-таки является информативным, например, зеленый цвет описывается как ‘оно незрелое’. Но и тут цвет, как правило, не является единственным критерием. Если в магазине могут продаваться, скажем, зеленые бананы, то у индейцев пираха они висят на банановом дереве, пока не пожелтеют. И их незрелость видна не только по их цвету, но и по другим признакам: цвет и состояние листьев дерева, спелость других плодов, созревающих одновременно с бананами и пр. Наконец, у индейцев пираха совершенно отсутствует склонность к рисованию, включая традицию наносить на свое тело символические узоры.

Таким образом, различные цвета в мире пираха не несут самостоятельной информационной функции. А значит, начавшаяся у ребенка пираха дифференциация синкретичного цветового спектра не получает поддержки извне и потому не трансформируется в полную дифференциацию. Повторимся: ребенок пираха, конечно же, будет различать по цвету одинаковые предметы, например два яблока — красное и зеленое. Он лишь не сможет непосредственно назвать эти цвета, поскольку они не концептуализированы в его цветовой палитре.

Справедливость проведенных рассуждений подтверждается следующим фактом. Современный человек использует для называния различных цветовых оттенков множество опосредованных обозначений: *аметистовый (amethyst)*, *бронзовый (bronze)*, *медный (copper)*, *морковный (carrot)*, *каштановый (chestnut)*, *шоколадный (chocolate)*, *янтарный (amber)*. Как мы видим, они совершенно аналогичны цветообозначениям в пираха или, скажем, в языке вальбири: *yalyu-yalyu* — в буквальном смысле ‘кровь-кровь’, а фактически ‘выглядит как кровь’, *yukuri-yukuri* — ‘травя-травя’, или ‘выглядит как трава после дождя’, и под. [Дронов 2016: 317; Wierzbicka 2008: 410]. Можно полагать, что эти оттенки, ввиду своей незначительной роли в жизни современного человека (в сравнении с основными цветами), не концептуализировались в его цветовой палитре, поэтому актуализация названного оттенка в сознании осуществляется посредством актуализации типичного носителя этого оттенка. Например, в услышанном выражении *шоколадный загар* цвет реконструируется через представление шоколада, а не непосредственно, как при восприятии выражения *красный шарф*⁵.

Но в сообществах современных художников или модельеров, в деятельности которых оттенки цветов (*бронзовый, шоколадный, янтарный* и др.) играют важную роль, эти оттенки могут выделиться в самостоятельные категории, пополняя тем самым набор основных цветов. И тогда имена этих оттенков обретут статус базовых наименований. Это значит, что в сознании художника или модельера, услышавшего выражение *шоколадный галстук*, шоколадный цвет галстука

⁵ Можно возразить: а разве некоторые опосредованные обозначения цвета в восприятии современного человека не актуализируются непосредственно? К примеру, нередки случаи, когда женщина, никогда не видевшая ни фисташек, ни оливок, тем не менее свободно (и правильно) использует цветообозначения *фисташковый* и *оливковый*. Как нам кажется, эти обозначения все же остаются для нее опосредованными. Просто роль образца вместо природного объекта играет запомнившийся ей артефактный объект называемого цвета.

будет «всплывать» сразу, без опосредованного участия шоколада — исходного носителя этого цвета.

5. Лексические показатели времени. Двухэтапный процесс усвоения детьми цветообозначающих прилагательных характерен и для других групп слов, обозначающих различные (альтернативные) значения какого-то общего свойства. Например, точно такая же путаница происходит у детей при употреблении показателей времени *вчера / завтра*: *Мы завтра ходили в лес* (Настя, 2 года 4 месяца), *Я к бабушке вчера поеду* [Воейкова 2011: 115—116, 173]. Объяснение этих детских ошибок аналогично. После двух лет у детей происходит первичная дифференциация целостного понятия времени на «настоящее время» и «не настоящее время». Однако последнее еще не дифференцировалось на «прошедшее-вчера» и «будущее-завтра». А значит, ребенок не имеет пока семантических оснований для употребления слов *вчера* и *завтра* и поэтому путает их.

Последующая дифференциация — разделение понятий «вчера» и «завтра» — у современного ребенка не заставляет себя ждать, поскольку мотивируется его непосредственным каждодневным опытом — суточным циклом, в котором эти понятия строго отделяются от «сегодня» и лексикой (он постоянно слышит слова *вчера* и *завтра*). Но в ментальном мире индейцев пираха соответствующие понятия отсутствуют. Их жизнь не делится на суточные циклы, ср.:

Пираха спят урывками (от пятнадцати минут до двух часов) и днем, и ночью. Всю ночь в селении стоит гул голосов. <...> Поскольку в разные часы дня и ночи ловится разная рыба, индейцев можно застать за рыбалкой круглые сутки. Это значит, что день и ночь не так различны между собой, как у нас, разве что видимостью. Индейца можно увидеть за рыбалкой хоть в три утра, хоть в шесть, хоть в три часа дня. <...> Если кто-то принесет улов в три часа ночи, то тогда же рыбу и съедят: все встанут тут же, как только рыболов вернется. <...> Индейцы встали (они пили кофе в хижине Д. Эверетта. — А. К.) и ушли на рыбалку: пришла их очередь, потому что другая смена только что вернулась в селение и можно было взять лодки [Эверетт 2016: 92, 93, 286].

Поэтому в языке пираха в принципе не может быть коррелятов столь привычных нам лексических показателей времени как *вчера*, *сегодня*, *завтра*, *утро*, *вечер*, *неделя*, *месяц* и под.

6. Счет и счетные слова. Отсутствие числительных в пираха считается доказанным фактом, см. [Там же: 130—131; Дронов 2016:

314—315]. В свете проведенных выше рассуждений этот факт кажется совершенно закономерным, поскольку в своей повседневной жизни индейцы пираха вообще не используют счет, ср.:

Когда я стал наблюдать за ними пристальнее, я увидел, что они никогда не считают ни на пальцах, ни на других частях тела, ни с помощью счетных предметов [Эверетт 2016: 129—130].

В такой ситуации крайне удивительной была бы противоположная картина: наличие в пираха числительных. При том что генетическая предрасположенность к счету у человеческих младенцев, безусловно, есть (см., например, [Иванов 2008: 3]), внешний фактор (отсутствие счета и числительных) тормозит ее развитие. В то же время некоторые племена, например вальбири пользуются счетом, несмотря на то что система числительных в их языке крайне скудна [Эверетт 2016: 238]. Эта, казалось бы, парадоксальная ситуация вполне объяснима. Она, к примеру, возникает при жестовом счете, использующем пальцы рук (и ног или других частей тела), ср.:

В развитии коммуникации ребенка и в реконструированных пра-языках многих семей языков пальцевые жесты выступают в качестве символов соответствующих чисел, что можно считать универсальной чертой естественных языков, где, как правило, числительное 5 означало некогда «одна рука», 10 — «обе руки» и т. п. <...> ...нейропсихологи приходят к выводу о том, что язык и математика не зависят друг от друга, и к звучащему на лад Платона утверждению, согласно которому понятие числа возникает раньше, чем соответствующее ему слово [Varley et al. 2005; Brannon 2005; Dehaene 2007]. <...> Можно предположить, что это раннее понятие числа сперва воплотилось в жесте и потом лишь — в слове [Иванов 2008: 5, 7].

7. Отсутствие пассива (страдательного залога). Согласно Д. Эверетту, культура пираха базируется на принципе непосредственности восприятия. В соответствии с этим принципом практически все интересы и всё внимание индейцев фокусируется на том, что происходит «здесь и сейчас», ср.:

...пираха не хранят пищу, не планируют вперед больше чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое — они сосредоточены на том, что есть сейчас, на непосредственно воспринимаемом мире. <...> Пираха просто концентрируются на том, что непосредственно их окружает [Эверетт 2016: 143, 295].

По мнению Эверетта, этот принцип предопределяет не только бытовые и культурные стороны жизни индейцев (бедность их ритуалов и устного фольклора, отсутствие художественного вымысла и т. д.), но и специфические черты их языка, в частности отсутствие рекурсии, см. [Futrell et al. 2016].

Соглашаясь в целом с этой точкой зрения, приведем один подтверждающий ее пример. Покажем, что отсутствие пассива в пираха обусловлено, скорее всего, принципом непосредственности восприятия.

Рассмотрим главную функцию пассива. Простой референциальный анализ показывает, что, в отличие от актива, называющего действие, непосредственно воспринимаемое наблюдателем (*Мальчик моет машину*), пассив (*Дом строится рабочими*) называет не действие как таковое, а лишь динамическое состояние Пациенса, подверженного этому действию ('дом находится в стадии строительства'), т. е. сам факт происходящих с ним изменений. Поэтому пассив некорректно употреблять в ситуации, когда действие, происходящее с Пациентом, воспринимается непосредственно. Например, если мы видим как мальчик моет машину, некорректно описать это действие пассивом **Машина моется мальчиком*, поскольку воспринимаемое действие мешает трактовать мытье машины как ее состояние. В этом случае сомнительна даже фраза ?*Машина моется*. Она допустима лишь в ситуации, когда адресат непосредственно не видит мытья машины: скажем, ему сообщает об этом служитель мойки. Тогда эта фраза обозначает не наблюдаемое действие, а тот факт, что это действие происходит с машиной, т. е. состояние машины ('находится в мойке').

Аналогично фраза *Дом строится рабочими* сомнительна, если мы стоим перед строящимся домом и непосредственно наблюдаем действия строителей. Сомнительна в этой ситуации и фраза *Дом строится*, произнесенная в нейтральном контексте. Еще более показательна корректность актива *Мальчик строит домик* (из кубиков) и сомнительность пассива ?*Домик строится мальчиком*: осуществляемое Агенсом видимое действие препятствует трактовке этой фразы как обозначения состояния 'домик строится' (подробнее пассив рассмотрен в [Кошелев 2016: 27—37]).

Из сказанного ясно, что принцип непосредственности восприятия, царящий в мире индейцев пираха, исключает возможность трактовать действие, происходящее с Пациентом, как **состояние изменения** пациента.

8. Распознавание плоских изображений. Проведенные выше рассуждения проливают свет на отмечаемые Эвереттом трудности, возникающие у индейцев при распознавании двухмерных изображений:

Они часто поворачивают фотографии набок или вверх ногами, а потом спрашивают меня, что они, собственно, должны увидеть. Сейчас они видят много фотографий, поэтому сейчас они распознают изображения лучше, но все равно это дается им нелегко [Эверетт 2016: 270].

Исследователи из Массачусетского технологического института и Стэнфордского университета провели эксперименты с пираха по распознаванию четких, а также намеренно нечетких и искаженных изображений объектов. Вот их вывод:

Хотя пираха могли прекрасно распознавать и истолковывать неизмененные изображения, они с трудом истолковывали измененные изображения, в том числе и тогда, когда рядом с ними находился оригинал изображения. Этот результат разительно отличается от модели, продемонстрированной исследованием контрольной группы американских респондентов. Хотя данное исследование является предварительным, содержащаяся в нем информация наводит на размышления о сложности (или отсутствии опыта) визуального абстрагирования... [Там же].

Рискну предположить, что дело не в «сложности визуального абстрагирования», а исключительно в специфике обыденной жизни индейцев, в которой они почти не встречаются с двухмерными изображениями. Современного ребенка с самого раннего возраста окружают разного рода картинки: книжные иллюстрации, фотографии, картины, рисунки на одежде, на стенах домов и пр. Что не менее важно, он столь же рано сам начинает рисовать, т. е. создавать двухмерные изображения предметов по их трехмерным оригиналам. Индейцы пираха, напротив, не получают опыта ни в распознавании картинок, ни в их создании, ср.:

Если я просил их нарисовать один и тот же знак дважды, они никогда с этим не справлялись. <...> На занятиях мы не могли добиться, чтобы индеец нарисовал прямую линию без многочисленных подсказок, и после этого без подсказки повторить эту линию они не могли... сама идея «правильной» формы рисунка была им совершенно чужда [Там же: 131].

В мире пираха нет рукотворных двухмерных изображений — рисунков, чертежей, карт местности и пр. А значит, в их языке нет и соответствующей лексики, как именной, так и глагольной.

Следуя нашей логике, можно предположить, что индейцы пираха легко узнавали бы себя в зеркале. Живя на берегах реки Маиси и постоянно взаимодействуя с ней, они с детских лет видят свое отражение (как неподвижное, так и подвижное) и, следовательно, имеют богатый опыт такого восприятия. Можно также предположить, что природные двухмерные изображения, значимые для пираха, легко ими распознаются: вид животного или дерева по отбрасываемой ими тени, плоские отпечатки следов животного на твердой и влажной земле, характерный рисунок прожилок листа и пр.

9. Представление действительности у индейцев пираха и у современных людей. Человек живет не в окружающем его мире, а в своем ментальном представлении этого мира. Как мы убедились выше, у пираха это представление существенно отлично от представления современных людей.

В одних отношениях ментальное представление пираха более синкретично, в других, напротив, более системно. Так, в их обыденной деятельности цвет как таковой не используется, поэтому в их представлении основные цвета спектра не концептуализировались. А значит, в их языке нет и не может быть имен для этих концептов. Они не используют счета в своей повседневной жизни, поэтому у них нет концептов чисел, а стало быть, и символических обозначений этих чисел (словесных или, скажем, пальцевых). Суточный цикл для них не существен, поэтому они не имеют соответствующих концептов и именующих их слов (*вчера, сегодня, завтра, неделя* и др.). Аналогичная ситуация и с принципом непосредственности восприятия, который обусловлен образом жизни пираха. Они живут текущими заботами. Им нет необходимости заготавливать впрок пропитание, поскольку, как только оно понадобилось, его можно добыть охотой, рыболовством, сбором съедобных растений. В их деятельности нет долговременных работ, которые заставляют думать о том, что сделано ранее и что предстоит сделать в будущем. Практически все их интересы сосредоточены «здесь и сейчас».

С другой стороны, в практической жизни индейцев огромную роль играют джунгли, поэтому они знают множество видов деревьев и трав, их лечебные и другие свойства, а также приемы их обработки и использования. Поэтому в языке пираха имеется множество конкретной лексики, обозначающей эти растения и действия с ними. Эта лексика

не имеет коррелятов в современных языках. И в этом, а также в других подобных аспектах пираханское ментальное представление мира гораздо более дифференцированно и системно, чем представление современных людей.

10. Об универсальности человеческих концептов. Главный вывод, вытекающий из проведенных рассуждений, заключается в следующем. Целый ряд лексических и грамматических единиц и их значений-концептов (числительные, цветообозначающие слова, категории числа, залога и пр.) обусловлен образом жизни этноса, точнее, кругом видов деятельности, осуществляемых его членами. Скажем, сначала у членов племени не было потребности в счете и в их языке отсутствовали счетные слова. Затем в процессе социального и интеллектуального развития племени эта потребность возникла. Пираха начинают считать, пусть с помощью пальцев, и в их ментальном представлении появляются концепты ОДИН, ДВА, ТРИ и т. д., получающие имена — количественные числительные. Из сказанного ясно, что эти и подобные концепты (цвета, размера и др.) никак **не могут претендовать на статус универсальных человеческих концептов.**

Коснемся в этом плане дискуссии об универсальности цветовых категорий. Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Kay 1969] утверждают, что английские базисные наименования цвета *black, white, red, yellow, green, blue, brown, purple, pink, orange* и *grey* задают базовые категории, центральные члены которых универсально одни и те же для разных этносов. И хотя многие языки содержат меньшее количество имен для базовых категорий, люди способны формировать все такие категории. А. Вежбицкая придерживается иной точки зрения [Wierzbicka 2005; 2008]. Основываясь на том факте, что в некоторых языках, например в языке австралийских аборигенов вальбири, нет ни слова *цвет*, ни базисных имен для основных цветов, она полагает, что цветовые категории не относятся к числу человеческих универсалий. А. Вежбицкая признает, что все люди живут в многоцветном мире. Но не все воспринимают цвета концептуально. У носителей языков, не имеющих слова *цвет*, вопрос «какой это цвет?» не может быть задан и, по-видимому, не возникает. А значит, люди не могут и думать о цвете.

Для Вежбицкой вопрос об универсальности концепта ЦВЕТ принципиален. Отвечая на него отрицательно, она не включает этот концепт в число своих универсальных семантических примитивов. Не соглашаясь с логикой А. Вежбицкой, П. Кей отмечает [Kay 2015], что в ряде языков отсутствуют слова *размер, большой* и *маленький*,

число, количество, один, два и др. Однако несмотря на это Вежбицкая относит концепты БОЛЬШОЙ и МАЛЕНЬКИЙ, ОДИН и ДВА к универсальными семантическими примитивами.

Не имея возможности вдаваться здесь в детали дискуссии (ответ Вежбицкой см. в [Wierzbicka 2008: 419]), изложим кратко свою точку зрения. Цветовые категории можно считать универсальными лишь потенциально — в том смысле, что их начальная дифференциация из синкретичной совокупности визуальных свойств предмета имеет генетическую обусловленность. Что же касается степени развития этой первичной дифференциации, то она определяется исключительно воздействием извне — влиянием повседневной практической деятельности этноса. Так, у индейцев пираха даже основные цвета не получают статуса самостоятельных категорий (что, однако, не лишает их возможности называть цвета предметов описательно типа «оно как кровь»). Но, как мы видели выше, в п. 4.4, в сообществах современных художников или модельеров даже оттенки цветов (*бронзовый, шоколадный, янтарный* и др.) обретают статус базовых наименований.

В полной мере все сказанное относится и к концепту РАЗМЕР. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что ребенок при усвоении слов *большой* и *маленький* некоторое время путает их точно так же, как он путает употребление цветообозначающих прилагательных [Воейкова 2011: 218]. Следовательно, степень развития этих концептов тоже обусловлена практической деятельностью и внешней средой этноса. Характерно, что патология лобных отделов коры головного мозга может приводить к регрессии — утрате в ментальном представлении человека вычленившихся концептуальных характеристик размера. Например, пациент с такой патологией успешно забрасывает мяч в любую из трех корзин, расположенных на разном расстоянии от него, но не может сказать, какая корзина является ближайшей к нему, а какая — самой далекой. Концептуальные характеристики ДАЛЬШЕ / БЛИЖЕ у него утратились, но восприятие расстояния до корзины как синкретичного компонента его целостного восприятия корзины сохранилось. Другой пациент с аналогичным поражением коры мозга безошибочно схватывал пальцами руки предметы разной величины, но не мог развести большой и указательный пальцы, чтобы показать величину схваченного предмета [Чуприкова 2015: 430—431].

Сказанное следует учитывать и при обращении к стословному списку Сводеша, в который в качестве базовых слов входят прилагательные *зеленый, желтый, красный, большой, маленький*, числительные *один, два*.

В [Кошелев 2016] мы показали, что более полутора десятков значений пассива и рефлексива в русском языке отражают различные типы процессов и действий, происходящих с живым существом или предметом. Можно предположить, что такая дифференциация обозначений окружающих человека изменений сформировалась в современном этносе в процессе его длительного социального и интеллектуального развития. Отсутствие в языке пираха подобных значений свидетельствует о синкретизме этого аспекта в их ментальном представлении мира.

В этом же ключе следует, как нам кажется, трактовать спор между Д. Эвереттом и генеративистами [Everett 2009; Nevins et al. 2009; Эверетт 2016] об универсальности рекурсии. Не имея возможности подробно рассмотреть здесь этот вопрос, отметим лишь, что, по нашему мнению, языковая рекурсия отражает концептуальную рекурсию — рекурсивное представление сложных фрагментов действительности. В современных социумах такое представление широко распространено, и поэтому языки этих социумов содержат рекурсию. У индейцев пираха подобное представление пока не сформировалось, и потому в их языке рекурсия не представлена.

2. СХЕМА ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОСА И ЕГО ЯЗЫКА

1. Единая линия прогресса этносов. Выше мы убедились, что уровень развития этноса существенным образом влияет на ментальное представление его членов об окружающем мире и, как следствие, на язык этноса, описывающий это представление. Поэтому поэтапную эволюцию языка этноса мы будем напрямую связывать с поэтапным развитием человеческих обществ. Для этого обратимся к классической теории Л. Моргана о едином пути прогресса человеческих этносов [Морган 1935]. В ней выделены три этнических периода прогресса, «каждый из которых представляет собой определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни» [Там же: 8]: 1) дикость, для которой характерны отсутствие частной собственности и равенство членов общества; 2) варварство, отмеченное появлением гончарного производства, земледелия, скотоводства, частной собственности и социальной иерархии, и 3) цивилизация, наступающая с изобретением фонетического алфавита и письменных текстов.

В периоде дикости Морган выделяет три ступени общественного прогресса — низшую, среднюю и высшую. Низшая ступень

(«младенчество человеческой расы») характеризует общество с членораздельной речью, питавшееся в основном орехами и плодами. Средняя ступень дикости отмечена умением использовать огонь и введением в употребление рыбной пищи. Наконец, высшая ступень дикости начинается с изобретения лука и стрелы и заканчивается с изобретением (или заимствованием) гончарного производства [Морган 1935: 9]. В соответствии с данной периодизацией, племя пираха находится в точности на третьей ступени периода дикости.

Далее наступает период варварства. Его низшая ступень начинается с изготовления гончарной посуды. Это изобретение, по мнению Л. Моргана, «наиболее действительный и убедительный признак», разграничивающий периоды дикости и варварства [Там же]⁶. Следующая — средняя — ступень начинается с приручения животных и/или возделывания некоторых сельскохозяйственных культур с помощью орошения, а также использования необожженного кирпича и камня для постройки домов.

Мы считаем, что переход от высшей ступени периода дикости, наступающей с овладением луком и стрелами, к низшей ступени периода варварства, отмеченной началом гончарного производства, является переломным моментом в эволюции этноса и его языка. Чтобы разъяснить эту мысль, рассмотрим следующую дихотомию.

⁶ Согласно Л. Моргану, на ступенях дикости и варварства находятся многие племена из самых различных языковых семей, ср.: «Ряд изобретений, отвечающих более настоятельным потребностям и соответствующих более низкому состоянию, должен был появиться прежде, чем испытали потребность в гончарной посуде. Начало оседлой жизни... деревянная посуда и утварь, ручное ткачество из волокон древесной коры, плетение корзин, лук и стрела — всё это предшествовало гончарному производству. Оседлые индейцы, находившиеся на средней ступени варварства, например цуни, ацтеки, чолула, изготовляли в большом количестве и разнообразии гончарную посуду высокого качества, полуседлые индейцы Соединенных штатов, находившиеся на низшей ступени варварства, например ирокезы, чокта и чироки, изготовляли гончарную посуду в меньшем количестве и в ограниченном числе форм; индейцы же, находившиеся на ступени дикости и не занимавшиеся огородничеством, например атапаски, племена Калифорнии и долины Колумбии, не знали ее употребления. <...> Лоример Файсон, английский миссионер в Австралии, сообщил автору в ответ на его запрос: «австралийцы не знали ни ткацких, ни гончарных изделий и не знали лука и стрел». Последнее правильно вообще для полинезийцев. <...> Индейцы крайнего севера и некоторые прибрежные племена Северной и Южной Америки находились на высшей ступени дикости» [Морган 1935: 11, 13].

2. Обыденная vs. специфическая деятельность. Проведенные в разделе 1 рассуждения иллюстрируют теснейшую зависимость языка этноса от структуры его **обыденной деятельности** — той устоявшейся, общепринятой совокупности действий, из которых складывается повседневная жизнь каждого члена этноса. Обыденная деятельность обеспечивает насущные потребности членов общества в пище, жилище, безопасности, отдыхе и развлечениях. Она охватывает весь спектр общепринятых бытовых действий и связанных с ними эмоциональных переживаний и интеллектуальных усилий.

С обыденной деятельностью этноса непосредственно связан язык, ее описывающий. Условимся далее этот язык называть **основным языком** этноса⁷.

Оппозицию к обыденной деятельности составляет **специфическая деятельность**. В отличие от первой, она осуществляется не всеми членами этноса, а лишь отдельными его группам и слоями. Например, чаепитие относится к обыденной жизни современного общества. Оно широко распространено, и этот процесс хорошо знает (понимает, чувствует) любой член общества. Участие знатоков чая в чайной церемонии — это уже специфическая деятельность, недоступная без специальной подготовки неискушенному любителю чая. Приготовление пищи, счет — это обыденная деятельность, а поварское искусство, бухгалтерские расчеты — специфическая, профессиональная деятельность.

Специфическая деятельность обычно представляет собой развитие какого-то вида обыденной деятельности, превращение ее в профессиональную деятельность, доступную уже далеко не всем членам общества. Этот же процесс характерен и для зарождения наук. К примеру, необходимость восстановления границ участков земли, смываемых ежегодными разливами Нила, послужила в древнем Египте стимулом для возникновения геометрии.

3. Обыденная деятельность и основной язык индейцев пираха. Как мы упоминали, это племя находится на высшей ступени периода дикости. Следующая, более развитая ступень — низшая ступень периода варварства — отличается от высшей стадии дикости производством гончарной посуды. Разумно предположить, что это **первая специфическая деятельность**, возникающая обычно в первобытном

⁷ Здесь нет возможности сопоставлять введенное нами понятие «основной язык» с известным в философии (и весьма неоднозначным) понятием «обыденный язык» (ordinary language), см., например, [Ryle 1960: 108—127].

племени⁸. Но это позволяет предположить, что на высшей ступени дикости все члены племени занимаются только обыденной деятельностью и, как следствие, пользуются только основным языком.

Проведенный Д. Эвереттом анализ повседневной жизни индейцев пираха поддерживает высказанную гипотезу: в этом племени отсутствуют какие бы то ни было виды специфической деятельности. Охота, рыбная ловля, собирательство, приготовление пищи, ручное прядение (практически в каждой семье есть «традиционная ручная прялка» [Эверетт 2016: 95]), отдых у костра и пр. — всё это обыденные виды деятельности, понятные в деталях всем индейцам, причем не только взрослым, но и детям, которые приучаются к ним с раннего возраста.

Попробуем теперь объяснить, что нового обретает этнос и его язык с появлением специфических видов деятельности.

4. Специфическая деятельность и производный язык. Специфическая деятельность особым образом расширяет язык этноса. Она стимулирует образование специального языка, посредством которого участники этой деятельности могут общаться друг с другом. В этом языке появляются термины (новые слова или прежние слова в новых значениях) для обозначения новых ощущений, понятий, специальных приемов и пр., а иногда и новые синтаксические конструкции. Однако в целом этот производный язык базируется на основном языке, используя его языковые единицы как в уже известных (узальных), так и в новых — метафорических или метонимических — значениях (восьмилетний Блез Паскаль, самостоятельно изучавший геометрию, называл прямую палочкой, а окружность — колечком). Например, на таком языке искусственные любители чая на своих встречах обсуждают букет, вкусовые оттенки, способы заварки и пр. различных сортов чая. Неискусственный любитель чая, попав случайно на чайную церемонию, окажется в крайне дискомфортной ситуации. Он не будет знать правил чаепития (например, сладости съедаются до питья чая), не воспримет тех вкусовых оттенков поданного ему чая, которые чувствуют остальные участники чаепития. Кроме того, он не знает значений используемых ими терминов. Потому он сможет понять обсуждение достоинств и недостатков чая лишь в общих

⁸ Гончарное производство есть продолжение обыденной деятельности по изготовлению деревянных изделий: первые гончарные миски — это деревянные миски, обмазанные толстым слоем глины, смешанной с толчеными ракушками.

чертах, т. е. совершенно не так, как он понимает обсуждение какого-либо обыденного действия. В то же время для остальных участников чайной церемонии это обсуждение будет столь же понятным, сколь и обсуждение обыденных действий.

Специфическая человеческая деятельность представляет собой совокупность трех составляющих: последовательности действий (особых приемов), человеческих интенций (целей, желаний, ожиданий и пр.), побуждающих и направляющих эти действия, и терминов — слов и выражений, описывающих эти действия и понятия. Все три составляющие тесно связаны между собой.

Ответим теперь на вопрос: как изменяется этнос с появлением в нем нового, специфического вида деятельности — той же чайной церемонии? Несколько обобщая, можно сказать, что специфическая деятельность представляет собой особую сферу жизни со своими целями, законами и ценностями. Она строго отделена от повседневной жизни и нередко инкапсулированно вложена в нее. К примеру, японская чайная церемония предусматривает целый ряд особых правил, регулирующих как приготовление чая (кипячение воды осуществляется на углях из древесины сакуры, заварка взбалтывается в чашке бамбуковой кистью и пр.) и подачу его гостю, так и сам процесс питья. Гостей после непродолжительной беседы приглашают в специальную комнату (отделенное от внешнего мира пространство). Церемония чаепития и сопровождающая ее беседа нацелены на создание особой атмосферы покоя и гармонии с миром, отрешенности от повседневных забот. Другим примером специфической деятельности, создающей свой собственный мир, вложенный в мир повседневности, может служить игра, см. анализ и определение концепта ИГРА в монографии [Кошелев 2015а: 146—168].

Кроме того, образуется специальный язык, производный от основного языка (метафорически его можно назвать микрокреолом), посредством которого общаются участники данного вида деятельности. Тем самым язык этноса расширяется: «язык этноса = основной язык + язык чайной церемонии». Поскольку в некотором обобщенном плане этот язык понимают и остальные члены этноса, новые знания о чае и чаепитии становятся доступными и другим членам. Правда, эти знания не поддержаны конкретными действиями и вкусовыми ощущениями и потому носят обобщенный характер.

Наконец, может оказаться, что данный вид деятельности важен не для узкого круга лиц, а для всего этноса. В таком случае этим видом деятельности постепенно овладевает все большее и большее

число его членов. Этот вид становится частью обыденной деятельности, а его язык — частью обыденного языка. Примером такой деятельности в племени, находящемся на стадии дикости, могут служить навыки счета, которыми сначала овладевают отдельные его члены, занимающиеся торговлей и обменом, а затем и все остальные члены племени. В современном обществе примером нового вида деятельности, постепенно превращающегося в обыденный, может служить использование компьютера.

5. Концептуальный и языковой рубикон. Сказанное выше позволяет утверждать, что появление у этноса специфических видов деятельности является, образно говоря, тем рубиконом, переход которого означает, что картина мира этноса и его язык меняются радикально. Ранее, когда в жизни этноса царила обыденная деятельность, все члены этноса одинаково смотрели на окружающий мир, его возможности и опасности, и в этом плане этнос был подобен сообществу антропидов, которые также одинаково воспринимают свою среду обитания. Теперь же в этносе появляются группы людей, у которых к общезначимому представлению мира добавляется новое, особое представление какого-то фрагмента мира, отражающее их опыт специфического взаимодействия с этим фрагментом. Таким образом, в этносе постепенно появляется множество новых точек зрения на окружающую действительность и ее возможности. Одновременно в языке этноса появляется множество дополнительных, производных языков (микрореолов), описывающих этот специфический опыт. Подчеркнем: производный язык могут формировать только участники специфического вида деятельности. При этом они используют главным образом метафоризацию, а она требует знания контекста; непосвященные не могут участвовать в этом процессе, поскольку не понимают конкретных реалий описываемой деятельности. Таким образом, без опоры на специфические виды деятельности нельзя объяснить механизм расширения основного языка.

6. Эволюционное состояние племени пираха и его языка. Из вышесказанного следует, что племя пираха — одно из человеческих обществ, в котором царит полное единообразие восприятия окружающего их мира, а **их язык — живой пример основного языка, сохранившегося в чистом виде, без каких бы то ни было расширений.**

Опираясь на классификацию Л. Моргана, можно предположить, что это наиболее полная версия основного языка, соответствующая наиболее широкому спектру общечеловеческой деятельности индейцев

пираха. Они уже овладели огнем, умеют ловить рыбу, используют лук и стрелы. Племена, находящиеся на низшей или средней стадии дикости, также осуществляют только обыденную деятельность. Но она не полна в указанном выше смысле: не содержит видов деятельности, связанных с рыбной ловлей или использованием лука и стрел. Поэтому и используемый ими основной язык также не полон, т. е. допускает непосредственное расширение, связанное с расширением обыденной деятельности племени. Язык пираха и представляет собой это предельное расширение.

Замечание. Данная характеристика не учитывает исторических особенностей развития племени пираха, эволюции их образа жизни, путей миграции, а также эволюционного пути их языка (от единого праязыка). С одной стороны, есть основания полагать, что нынешнее состояние племени пираха — застывший продукт его естественной эволюции, ср.: «Генетически население коренных американцев довольно однородно, многие черты языка пираха укладываются в наши представления о том, как должен выглядеть типичный язык Южной Америки» [Никулин 2016: 338]. С другой стороны, нельзя исключать, что это состояние — результат регресса некогда более развитого единого социума мура-пираха и его языка (некоторые соображения в пользу этой гипотезы приводятся в [Иванов 2008: 139—140]). Однако логика наших рассуждений не требует обращения к таким данным (тем более что они практически отсутствуют). Рассматриваемые нами концептуальные различия в языках человеческих этносов определяются исключительно воздействием различных внешних факторов (поскольку вклад генетических данных для всех человеческих сообществ одинаков). А как мы показали выше, в воздействии на язык извне решающую роль играет структура видов деятельности сообщества, определяющая и эволюционную структуру его языка.

Как отмечает Д. Эверетт, «данные из описаний племен мура и пираха трехсотлетней давности, времен первого контакта в 1714 г., подтверждают вывод о том, что культура пираха с тех пор изменилась мало» [Эверетт 2016: 94]. Таким образом, на протяжении по меньшей мере трехсот лет племя пираха находится на одном и том же уровне развития — высшей ступени дикости с характерной для нее сугубо обыденной деятельностью и основным языком. Можно думать, что за это время концептуальные свойства языка предков пираха, поддержанные этим устоявшимся строем их жизни,

сохранились и получили развитие, а не поддержанные — бесследно утратились.

7. О взаимодействии социальной и языковой линий эволюции этноса. В современных обществах, наряду с обыденной деятельностью, осуществляется огромное множество различных видов необщепринятой, специфической деятельности.

На рис. 1а дано схематическое изображение совокупности видов деятельности современного этноса. Центральный круг изображает обыденную деятельность, а лепестки — ее расширения, специфические виды деятельности.

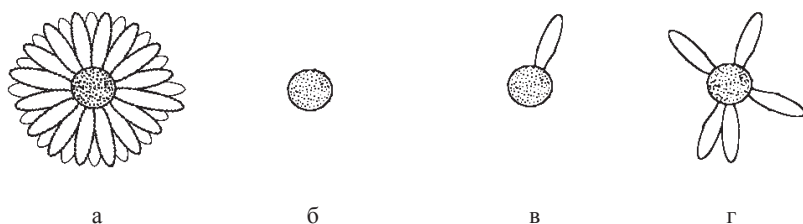

Рис. 1. Схематическое изображение совокупности видов деятельности этноса:

а) структура видов деятельности современного общества, где центральная часть цветка обозначает обыденную деятельность, присущую всем его членам, а лепестки — множество специфических видов деятельности; осуществляемых отдельными группами общества; б) обыденная деятельность без специфической деятельности (племя пираха); в) обыденная деятельность с одним видом специфической деятельности; г) обыденная деятельность с пятью видами специфической деятельности.

Поясим рис. 1. Переход от высшей ступени дикости к низшей ступени варварства обусловлен появлением первого вида специфической деятельности (гончарного производства) и первого производного языка. Это состояние отражено на рис. 1в: из центрального круга, изображающего обыденную деятельность, вырастает первый лепесток, обозначающий гончарное производство и, соответственно, язык гончарных мастеров.

Вторая (средняя) ступень стадии варварства начинается, согласно Моргану, с приручения животных и/или возделывания некоторых сельскохозяйственных культур (маиса и др.) с помощью орошения, а также с использования необожженного кирпича и камня для постройки

домов. Здесь число и сложность специфических видов деятельности резко возрастает. Следующая за ней высшая стадия варварства наступает с началом обработки железной руды и употребления железных орудий. Специфических видов деятельности, связанных с производством и использованием железных изделий, становится всё больше. На рис. 1г совокупная деятельность, соответствующая третьей ступени варварства, изображена в виде круга с несколькими лепестками, обозначающими различные виды специфической деятельности племени и соответствующие им языки. Наконец, современному этносу свойственно множество самых различных видов специфической деятельности. Это состояние этноса и его языка отражает рис. 1а.

Аналогичный вид имеет и эволюционная схема языка современного этноса: центральный круг (рис. 1а) обозначает основной язык, а лепестки — его расширения, производные (от основного) языки, порожденные соответствующими видами деятельности.

Предложенная эволюционная схема показывает, что на ранней стадии эволюции этнос и его язык развивались синхронно и в два этапа:

1. Сначала, в период пребывания этноса на стадии дикости, постепенно расширялся круг обыденных видов деятельности, охватывающих всех членов племени (собирачество, использование огня, рыбная ловля, ручное прядение, совместный отдых у костра, использование лука и стрел). Параллельно расширялся основной язык, используемый для обсуждения и описания всех аспектов этой обыденной деятельности и понимаемый (в деталях) всеми членами племени. На высшей стадии дикости расширение обыденной деятельности этноса и его основного языка достигло предела, см. рис. 1б.

2. Затем, при переходе этноса к периоду варварства, некоторые виды обыденной деятельности этноса получают дальнейшее развитие и становятся специфическими. Изготовление деревянной и плетеной посуды и утвари превращается в гончарное производство (деревянная и плетеная посуда обмазывается слоем глины и т. д.), сбор съедобных растений развивается в сельскохозяйственную деятельность, деревянные и каменные изделия заменяются железными и пр. Эти специфические виды деятельности осуществляют (и понимают в деталях) лишь отдельные (профессиональные) группы. Одновременно на базе основного языка формируются различные его расширения — производные языки, предназначенные для описания этих новых, специфических видов деятельности, см. рис. 1в, 1г и 1а.

Подчеркнем: **социальная и языковая эволюции этноса проходят в теснейшем взаимодействии друг с другом и невозможны одна без другой.** Поэтому эти линии эволюции необходимо изучать не по отдельности, а во взаимосвязи, в виде дуального комплекса «деятельность этноса — его язык». В таком случае эволюцию этноса от периода дикости к периоду варварства можно представить как двухэтапное развитие этого дуального комплекса:

- (1) Схема ранней эволюции этноса = «обыденная деятельность — основной язык» + «специфические виды деятельности — производные языки».

Здесь после знака + обозначен новый фактор, качественно расширяющий и развивающий деятельность этноса и переводящий его в период варварства.

Конечно, в процессе эволюции этноса и роста числа производных языков круг обыденной деятельности этноса и описывающий ее основной язык существенно изменяются. Но их роли — формировать и описывать единую этноспецифичную картину мира — остаются неизменными. Точно так же сохраняются и функции специфических видов деятельности этноса и описывающих эти виды производных языков — давать возможность пытливым членам этноса формировать и описывать свои собственные представления тех или иных аспектов окружающего мира, отличные от обыденных представлений.

8. Общая схема эволюции этноса. Основываясь на теории Л. Моргана, можно сформулировать единый критерий для определения уровня прогресса этноса. Это пара «круг деятельности этноса — язык ее описания». Для периодов дикости и варварства этот критерий реализуется в схеме (1). Расширим эту схему на два последующих периода прогресса: цивилизацию и компьютеризацию.

Согласно Моргану, переход этноса от варварства к цивилизации обусловлен появлением у него фонетического письма и письменных текстов. Изобретение письменности связано с развитием городов и вызвано прежде всего необходимостью создавать и хранить торговые, хозяйственные и административные документы. Таким образом, деловые письменные тексты — это не просто новый вид деятельности этноса. Они служат важнейшим организующим фактором всех видов специфической деятельности этноса, давая тем самым толчок их дальнейшему развитию. Кроме того, письменность порождает ряд новых видов деятельности, в том числе науки. Фонетическое письмо

представляет собой наиболее простую и удобную форму письма. Итак, критерий перехода этноса в период цивилизации имеет следующий вид: «письменные деловые документы — фонетический письменный язык».

Наконец, следующим периодом прогресса необходимо, на наш взгляд, признать период компьютеризации этноса. Начальная потребность в компьютере была вызвана необходимостью осуществлять сложные вычисления. Вспомним, что первая вычислительная машина была создана юным Паскалем в середине XVII века, чтобы облегчить отцу утомительные расчеты, выполнявшиеся им по долгу службы. Использование компьютерных программ дает новый качественный толчок развитию множества прежних видов деятельности этноса и порождает целый ряд новых видов деятельности. Если письменные документы обеспечивают только организацию деятельности, то компьютерные программы активно участвуют в осуществлении этой деятельности, придавая ей тем самым новое качество. Эти программы написаны на различных компьютерных языках. Таким образом, критерий перехода этноса к периоду компьютеризации, имеет вид «компьютерные программы — компьютерные языки».

В итоге получается четырехэтапная схема эволюции этноса, основанная на взаимосвязанной эволюции видов деятельности этноса и описывающих их языков:

- (2) Схема эволюции этноса = «обыденная деятельность — основной язык» + «специфические виды деятельности — производные языки» + «письменные деловые документы — фонетический письменный язык» + «компьютерные программы — компьютерные языки».

Как мы видим, в наступившем периоде компьютеризации естественный язык уступил компьютерным языкам свою роль непосредственного двигателя этнического прогресса.

9. Проблемы антропологической терминологии. Заклучая свою классификацию периодов этнического прогресса человеческого общества, Л. Морган пишет:

Каждый из этих периодов имеет особую культуру и представляет строй жизни, более или менее особенный и только ему одному присущий. Это разграничение этнических периодов дает возможность рассматривать каждое отдельное сообщество соответственно состоянию

его относительного развития и сделать его предметом самостоятельного изучения [Морган 1935: 11].

Тем самым он подчеркивает строгий таксономический статус предложенной периодизации.

Терминологическое замечание. В современной антропологии терминология Л. Моргана почти не используется. Одна из причин кроется в ее уничижительных коннотациях («дикость», «варварство»), невольно приписываемых многим древним этносам. Однако новая терминология («палеолит», «мезолит», «неолит» и др.) не просто элиминировала эти коннотации, но и радикальным образом перекроила периодизацию Л. Моргана (хотя в рамках этой новой терминологии ключевые таксономические признаки, предложенные Морганом, присутствуют). Для наших задач точная и ясная система Моргана гораздо полезнее классификации современной социальной антропологии. У Моргана 1) предметом классификации являются ступени и периоды этнического прогресса, 2) дается главный признак каждой ступени, 3) этот признак типологически един для всех ступеней и периодов прогресса и представляет собой вид деятельности, появление которого у этноса знаменует его переход на новую ступень прогресса. Конечно, указываются и другие характеристики ступеней прогресса, но они имеют вторичный статус. В результате все этносы разбиваются на классы (занимают свои ступени на лестнице прогресса). Более того, становится понятным, что главная движущая сила этнического прогресса заключается в овладении новыми видами деятельности.

Современная терминология описывает главным образом периоды развития материальной культуры (прежде всего орудия труда) в привязке их к оси времени. Ранний палеолит — от 2,5 млн. до 150 тыс. л. н., средний — от 300 до 30 тыс. л. н., поздний — от 40 до 10 тыс. л. н., мезолит — от 15 до 5 тыс. л. н. Но, во-первых, разные авторы указывают различные интервалы, и при этом соседние интервалы даже у одного автора всегда частично пересекаются. К тому же неолит не имеет фиксированной привязки к временной оси, поэтому периодизация получается заведомо нечеткой. Во-вторых, эти интервалы характеризуются целым набором разнородных признаков (в их числе даются и признаки Моргана) без явного указания приоритетного признака, более того, иногда эти признаки относятся к двум соседним периодам. Например, мезолит характеризуется как период широкого распространения лука и стрелы, но отмечается, что изобретены они были в предшествующую эпоху. Гончарное производство упоминается как один из признаков перехода от палеолита к неолиту. Так что и этот

план описания антропологических интервалов получается размытым. Поэтому при проведении междисциплинарного исследования, например социолингвистического анализа, в таксономических описаниях современной антропологии трудно найти точку опоры. В то же время критерий Моргана «новый вид деятельности», напротив, служит непосредственной опорой для такого анализа, поскольку, как мы постарались показать, представляет собой главный экстралингвистический фактор языковой эволюции.

10. Этапы эволюции языка. Мы подробно остановились на состоянии языка этноса, находящегося на верхней ступени периода дикости. Это основной язык в его предельно расширенной форме. Примером такого языка является пираха. Естественно задаться вопросом: какие именно средства языка и в какой последовательности развиваются при продвижении этноса от одной ступени прогресса к другой? Отвечая на него, мы можем опереться лишь на общие рассуждения (п. 10.1) и на один конкретный пример языка — жестовый язык ABSL (п. 10.2), все эволюционные этапы которого были описаны.

10.1. Об эволюции основного языка. Этносом, достигшим периода варварства, производятся гончарные изделия, кирпич для строительства домов, продукты огородничества, различного рода украшения, предметы искусства и пр. Следовательно, процветает взаимовыгодный товарообмен, который без использования счета невозможен, важную роль начинают играть величина и цвет изделия. А это означает, что в языке данного этноса должны присутствовать числительные, прилагательные размера и цвета: *большой, маленький, красный, зеленый* — и другие классы привычной нам лексики.

Для осуществления многих работ требуется светлое время суток. Кроме того, некоторые виды работ, будучи долговременными, во-первых, не отвечают принципу «здесь и сейчас» (изменения протекают медленно и недоступны непосредственной фиксации). Во-вторых, часто неизвестен (или неважен) производитель такой работы. Можно увидеть лишь ее текущее состояние — промежуточный или окончательный результат. Тем самым порождается необходимость в использовании пассива: *Ваш заказ выполняется, Кирпич будет готов завтра, Три меры маиса собраны* и под. Выше (п. 1.8) мы упоминали, что в русском языке имеется более полутора десятков значений пассива и рефлексива, отражающих различные типы действий или процессов, происходящих с живым существом или предметом. Понятно, что эти значения появлялись постепенно, отражая растущую дифференциацию происходящих в мире изменений. А эта дифференциация —

продукт нарастающего разнообразия различных видов специфической деятельности, осуществляемых этносом.

10.2. Этапы эволюции жестового языка бедуинов ABSL. Наглядным подтверждением предложенной выше эволюционной схемы (2) может служить эволюция жестового языка ABSL (Al-Sayyid Bedouin Sign Language). Аль-сайид — это деревня в пустыне Негев на юге Израиля, в которой живет община бедуинов численностью 3 500 человек.

На протяжении ряда поколений в этой общине рождались глухие дети. Около 80 лет назад среди них спонтанно возник элементарный язык жестов, который затем стал бурно эволюционировать, усложняясь чуть ли не с каждым следующим поколением [Padden et al. 2010; Sandler et al. 2011; Sandler 2013]. В настоящее время, на своем 4-м этапе развития, ABSL достиг состояния, сопоставимого со звуковым человеческим языком. В упоминавшейся работе П. С. Дронова дано описание всех четырех эволюционных состояний языка ABSL — от начального до современного:

Исследователи успели застать в живых первых носителей этого языка и зафиксировали четыре возрастных страты, отличающиеся друг от друга последовательным усложнением морфологии и синтаксиса...

1) простые конструкции, выполняемые с помощью рук (пример — рассказ человека из первого поколения говорящих на ABSL: короткие фразы из одного-двух слов, т. е. знаков-символов, в сопровождении пантомимы — иконических знаков с участием всего тела);

2) выделение субъекта и объекта, маркеры темы и ремы (движения головы);

3) сложные предложения, выражение иллюкутивной силы (мимика, аналоги просодии — положение рук и тела, повторение жеста), вводные слова, вставные конструкции, аналог логического ударения, появление новых грамматических показателей (движения головы, мимика);

4) вставленные предложения и вставки внутри них, противопоставление двух референтов, появление новых грамматических показателей (движения и положение тела, ведущая рука vs. ведомая рука) [Дронов 2016: 321—322].

Столь бурная эволюция ABSL, произошедшая, по существу, на протяжении одной человеческой жизни, выглядит загадочной. Между тем эволюционная схема (2) дает простое объяснение этой загадки: на протяжении последних 80 лет (с конца 20-х — начала 30-х годов XX в.)

социальный прогресс племен бедуинов, проживающих на юге Израиля, был не менее стремительным. В несколько скачков они осуществили переход из периода дикости в период современной цивилизации (с элементами компьютеризации), что и повлекло за собой скачкообразную эволюцию ABSL⁹.

Историческое отступление. Вехи социального прогресса племен бедуинов. Бедуины на протяжении тысячелетий вели кочевой образ жизни, занимаясь животноводством (разведением коз и овец). Условно говоря, можно считать, что это состояние этнического развития соответствует средней ступени дикости, поскольку их кочевая жизнь гораздо беднее жизни племени, находящегося на высшей ступени дикости (того же пираха). В 30-е годы, в период быстрого роста числа кибуцев, их организаторы начали приглашать бедуинов на сельскохозяйственные работы. Благодаря этому бедуины стали включаться в совершенно новые виды деятельности, а также получили доступ к некоторым достижениям современной цивилизации (поездки в ближайшие города за покупками, медицинской помощью и пр.). После создания в 1949 году израильского государства бедуины стали его гражданами. Политика Израиля в отношении бедуинов была нацелена на их переход от кочевого образа жизни к оседлому. Многие бедуины стали принимать участие в выборах, поддерживая партию кибуцников, молодые бедуины начали служить на добровольной основе в израильской армии (в подразделениях следопытов).

К 1974 году в пустыне Негев было построено большое количество деревень (комплексы домов городского типа), куда на постоянное место жительства переселились десятки тысяч бедуинов. Одной из них была деревня Аль-сайид. Молодые бедуины, жившие в таких деревнях, в подавляющем большинстве стали переходить от традиционных занятий к современным профессиям. Многие из них получили высшее образование, организовали свой бизнес. В результате всех этих преобразований уровень социального развития бедуинских деревень несоизмеримо вырос и представляет собой синтез ряда элементов современной цивилизации и древних бедуинских традиций (в пристройках к современным домам содержатся овцы, молодые бедуины во многом сохраняют традиционное восприятие привычных пейзажей пустыни: по едва заметным признакам бедуины-следопыты определяют заминированные участки, пути и возможные засады террористов и т. д.).

⁹ Некоторое представление об эволюционном и языковом прогрессе бедуинов дает документальный фильм «Голоса из Эль-сайед». (Электронный ресурс. Режим доступа: http://kinofest.org/ru/2012/films-2012/item/22-voices_from_el-sayed)

В целом можно констатировать, что из периода дикости, в котором находились кочевые племена бедуинов в конце 20-х — начале 30-х годов XX века, их потомки, поселившиеся в деревнях пустыни Негев, вступили к началу XXI века в период современной цивилизации. Можно полагать, что сообщество глухих бедуинов, использующих ABSL (около 200 человек), находится на том же уровне социального развития. Оно не замкнуто в своей языковой среде. ABSL используют тысячи бедуинов с нормальным слухом для общения со своими глухими соплеменниками. Поэтому они естественно инкорпорированы в социальную жизнь общины.

Вернемся к процитированным выше описаниям этапов эволюции ABSL. Комментируя их, П. С. Дронов отмечает: «Вполне возможно, что подобное усложнение происходило и со “звучащими” языками, и тогда пираха оказывается просто “застывшим” на стадии, соответствующей второму этапу ABSL» [Дронов 2016: 322]. Проведенные выше рассуждения поддерживают эту гипотезу и дают основание считать эволюцию ABSL важнейшим (и единственным пока) примером естественной эволюции человеческого языка. Добавим, что рекурсия появляется в ABSL только на третьем этапе эволюции, достигая полноты развития (вставные предложения) на последнем, четвертом, этапе (см. также [Padden et al. 2010]).

11. Об одном уникальном свойстве языка. Человеческому языку — в сравнении с другими коммуникативными системами и языками — присуще уникальное свойство. Он обладает средствами и механизмами для описания постоянно расширяющегося, т. е. потенциально неограниченного, представления членов социума о мире, в котором они живут (для сравнения заметим, что у высших животных это представление строго ограничено). Сформулируем кратко наше объяснение этого феномена.

11.1. Эволюционный тезис Добжанского в языковой семантике. В 60-е годы XX века известный биолог Ф. Добжанский заметил, что «в биологии ничто не имеет смысла, если оно не рассмотрено в свете эволюции» [Dobzhansky 1964: 449]. Мы полагаем, что этот тезис справедлив и в отношении языка. В монографии [Кошелев 2015а: гл. 1] мы показали, что семантическая схема знаменательного слова имеет следующую структуру:

- (3) Слово = основное значение → множество производных значений.

Производные значения порождаются (\rightarrow) из основного значения и потому эволюционно (и онтогенетически) являются более поздними образованиями. В статье [Кошелев 2016] справедливость этой схемы была проиллюстрирована в отношении грамматических значений, а выше мы показали, что аналогичная схема верна и в отношении языка в целом:

- (4) Язык = обыденная деятельность (ее описывает основной язык) \rightarrow множество специфических видов деятельности (их описывают производные языки).

Таким образом, мы получаем реализацию тезиса Добжанского в языковой семантике.

11.2. Неограниченная полисемия языковых единиц. Поясним теперь с помощью схем (3)—(4), как язык справляется с задачей описания постоянно расширяющейся экспансии этноса, осваивающего все новые и новые аспекты своего жизненного пространства. Каждая знаменательная единица языка (лексическая, грамматическая, фразовая), а также и язык в целом имеют одно основное, или референтное, значение, которое непосредственно описывает некоторый типичный фрагмент реального (видимого) мира. Например, основное значение знаменательного слова описывает предмет, действие или свойство, т. е. «отражает понимание “кусочка действительности”» [Виноградов 1977: 163]. Основное значение простой фразы описывает конкретную ситуацию действительности. Наконец, «основное значение» языка — это обыденная деятельность этноса (повседневная визуально наблюдаемая деятельность, ср. принцип непосредственности восприятия у индейцев пираха).

По мере появления в сфере внимания члена социума новых фрагментов действительности (объектов, ситуаций, видов деятельности и пр.), для описания которых в языке нет единиц с адекватными узувальными значениями, он из подходящих основных значений порождает (путем метафоризации и метонимизации) новые производные значения, см. схемы (3) и (4). Они и обеспечивают требуемое описание. Со временем эти новые значения (их называют окказиональными) либо «приживаются», т. е., ввиду частого использования, запоминаются носителями языка и тем самым становятся новыми узувальными значениями, либо быстро забываются, т. е. оказываются «мимолетными» (в терминологии Ю. С. Маслова [Маслов 1987: 104]). Подробнее о рождении производных значений см. в [Кошелев 2012; 20156].

В заключение мне хотелось бы выразить восхищение исследовательской и просветительской деятельностью Д. Эверетта, открывшего нам столь необычный мир индейцев пираха.

Выражаю глубокую благодарность Р. И. и Г. В. Бондаренко, А. Г. Коцинцева и Г. С. Старостину за полезные критические замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауэр 1985 — *Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1985.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162—189.
- Воейкова 2011 — *Воейкова М. Д.* Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.
- Дронов 2016 — *Дронов П. С.* Насколько несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов? // *Эверетт Д. Л.* Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 309—324.
- Иванов 2008 — *Иванов Вяч. Вс.* Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 3—14.
- Кошелев 2011 — *Кошелев А. Д.* В поисках универсальной схемы развития // Интеграционно-дифференциальная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 217—234.
- Кошелев 2012 — *Кошелев А. Д.* Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узуальных смыслов) // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 301—329.
- Кошелев 2015а — *Кошелев А. Д.* Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М., 2015.
- Кошелев 2015б — *Кошелев А. Д.* О референциальном подходе к лексической полисемии // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 287—349.
- Кошелев 2016 — *Кошелев А. Д.* О структурном и генетическом сходстве лексических и грамматических значений (когнитивный анализ глагольной переходности и залога) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 3. С. 19—39.
- Маслов 1987 — *Маслов Ю. С.* Введение в языковедение. М.: Высшая школа, 1987.

- Морган 1935 — *Морган Л. Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1935.
- Никулин 2016 — *Никулин А. В.* Насколько необычен язык пираха? // *Эверетт Д. Л.* Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 325—340.
- Пинкер 2013 — *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Розенгарт-Пупко 1948 — *Розенгарт-Пупко Г. Л.* Речь и развитие восприятия в раннем возрасте. М.: Учпедгиз, 1948.
- Розенгарт-Пупко 1963 — *Розенгарт-Пупко Г. Л.* Формирование речи у детей раннего возраста. М.: Учпедгиз, 1963.
- Сеченов 1952 — *Сеченов И. М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Физиология и психология / Ред. и посл. Х. С. Коштыянца. М.: АН СССР, 1952.
- Слобин 1984 — *Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // *Психолингвистика*. М.: Прогресс, 1984. С. 143—207.
- Спенсер 1899 — *Спенсер Г.* Основания биологии. Т. 1—3. СПб.: Издатель, 1899.
- Цейтлин 1996 — *Цейтлин С. Н.* Усвоение ребенком прилагательных // *Детская речь: норма и патология: Межвуз. сб. науч. трудов*. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1996. С. 4—15.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Цейтлин 2009 — *Цейтлин С. Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
- Чуприкова 2007 — *Чуприкова Н. И.* Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.
- Чуприкова 2015 — *Чуприкова Н. И.* Психика и психические процессы: система понятий общей психологии. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Эверетт 2016 — *Эверетт Д. Л.* Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р. О.* Лингвистика и ее отношение к другим наукам // *Якобсон Р. О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 369—420.
- Andrick, Tager-Flusberg 1986 — *Andrick G. R., Tager-Flusberg H.* The acquisition of colour terms // *JCL. Journal of Child Language*. 1986. Vol. 13. P. 119—137.
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

- Blackwell 2005 — *Blackwell A. A.* Acquiring the English adjective lexicon: Relationships with input properties and adjectival semantic typology // *Journal of Child Language*. 2005. Vol. 32 (3). P. 535—562.
- Bornstein 1985 — *Bornstein M. H.* Colour-name versus shape-name learning in young children // *JCL. Journal of Child Language*. 1985. Vol. 12. P. 387—393.
- Brannon 2005 — *Brannon E. M.* The independence of language and mathematical reasoning // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2005. Vol. 102 (9). P. 735—740.
- Dehaene 2007 — *Dehaene S.* A few steps toward a science of mental life // *Mind, Brain and Education*. 2007. Vol. 1 (1). P. 28—47.
- Dixon 1982 — *Dixon R. M. W.* Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin: Mouton, 1982.
- Dixon 2004 — *Dixon R. M. W.* Adjectives classes in typological perspective // *Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y.* (eds). *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 1—49.
- Dobzhansky 1964 — *Dobzhansky T.* Biology, molecular and organismic // *American Zoologist*. 1964. Vol. 4 (4). P. 443—452.
- Everett 2005 — *Everett D. L.* Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. P. 621—646.
- Everett 2009 — *Everett D.* Pirahã culture and grammar: A response to some criticism // *Language*. 2009. Vol. 85 (2). P. 405—442.
- Ferry et al. 2010 — *Ferry A., Hespos S., Waxman S.* Categorization in 3- and 4-month-old infants: An advantage of words over tones // *Child Development*. 2010. Vol. 81 (2). P. 472—479.
- Fulkerson, Waxman 2007 — *Fulkerson Anne L., Waxman Sandra R.* Words (but not tones) facilitate object categorization: Evidence from 6- and 12-month-olds // *Cognition*. 2007. Vol. 105 (1). P. 218—228.
- Futrell et al. 2016 — *Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E.* A Corpus Investigation of Syntactic Embedding in Pirahã [Электронный ресурс] // *PLOS One*. 2016. No. 3. Режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0145289>
- Gasser, Smith 1998 — *Gasser M., Smith L.* Learning nouns and adjectives: a connectionist account // *Language and cognitive processes*. 1998. Vol. 13 (2/3). P. 269—306.
- Hauser 2000 — *Hauser M. D.* *Wild Minds: What animal really think*. New York: Henry Holt, 2000.
- Kay 2015 — *Kay P.* Universality of color categorization // *Handbook of Color Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 245—258.
- Nevins et al. 2009 — *Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C.* Pirahã exceptionality: A reassessment // *Language*. 2009. Vol. 85 (2). P. 355—404.

- Padden et al. 2010 — *Padden C., Meir I., Sandler W., Aronoff M.* Against all expectations: Encoding subjects and objects in a new language // *Gerds D., Moore J., Polinsky M.* (eds). *Hypothesis A / Hypothesis B: Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter*. Cambridge (MA): MIT Press, 2010. P. 383—400.
- Ryle 1960 — *Ryle G.* *Ordinary Language // Philosophy and Ordinary Language*. Urbana, 1960.
- Sandler 2013 — *Sandler W.* Vive la différence: Sign language and spoken language in language evolution // *Language and Cognition*. 2013. Vol. 5. P. 189—203.
- Sandler et al. 2011 — *Sandler W., Meir I., Dachkovsky S., Padden C., Aronoff M.* The emergence of complexity in prosody and syntax // *Lingua*. 2011. Vol. 121 (13). P. 2014—2033.
- Santos et al. 2002 — *Santos L. R., Sulkowski G. M., Spaepen G. V., Hauser M. D.* Object individuation using property / kind information in rhesus macaques (*Macaca mulatta*) // *Cognition*. 2002. Vol. 83. P. 241—264.
- Varley et al. 2005 — *Varley R. A., Klessinger N. J. C., Romanowski C. A. J., Siegal M.* Agrammatic but numerate // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. 2005. Vol. 102 (9). P. 3519—3524.
- Waxman 2008 — *Waxman S. R.* All in good time: How do infants discover distinct types of words and map them to distinct kinds of meaning? // *Colombo J., McCardle P., Freund L.* (eds). *Infant Pathways to Language: Methods, Models, and Research Directions*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2008. P. 99—118.
- Waxman, Braun 2005 — *Waxman S. R., Braun I. E.* Consistent (but not variable) names as invitations to form object categories: New evidence from 12-month-old infants // *Cognition*. 2005. Vol. 95. P. B59—B68.
- Werner 2004 — *Werner H.* *Comparative psychology of mental development (with a new prologue by Margery B. Franklin)*. Clinton Corners (NY): Percheron Press, 2004.
- Wierzbicka 2005 — *Wierzbicka A.* There are no «color universals» but there are universals of visual semantics // *Anthropological Linguistics*. 2005. Vol. 47 (2). P. 217—244.
- Wierzbicka 2008 — *Wierzbicka A.* Why there are no 'colour universals' in language and thought // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008. Vol. 14. P. 407—425.
- Xu, Carey 1996 — *Xu F., Carey S.* Infants' metaphysics: The case of numerical identity // *Cognitive Psychology*. 1996. Vol. 30. P. 111—153.
- Xu 2002 — *Xu F.* The role of language in acquiring object kind concepts in infancy // *Cognition*. 2002. Vol. 85. P. 223—250.
- Xu 2007 — *Xu F.* Sortal concepts, object individuation, and language // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11. P. 400—406.